

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
ПО СРАВНЕНИЮ С ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

I

Новое учение о языке Н. Я. Марра поставило перед современным языковедением задачу сравнительно-типологического изучения языковых процессов в связи с развитием мышления, обусловленным в конечном счете развитием общественных отношений. Единство глоттогонического (языкотворческого) процесса в его обусловленности процессом общеисторическим раздвигает привычный круг сравнительно-грамматических исследований. Сравнительная грамматика генетическая, изучающая замкнутую группу родственных по своему происхождению языков, включается в более широкие рамки грамматики стадиально-типологической. Последняя, сопоставляя исторически аналогичные явления и процессы в языках разных систем и групп, устанавливает более общие закономерности языкового развития, возникающие независимо друг от друга и свидетельствующие о принципиальном сходстве в развитии языка и мышления общественного человека, независимо от общности происхождения данных языков, от расовых, племенных или национальных особенностей говорящих.

Такое стадиально-типологическое сравнение не только позволяет установить более общие основания для ряда конкретных лингвистических фактов, описанных той или иной частной сравнительной грамматикой: во многих случаях оно может подсказать исследователю типологическую аналогию, которая послужит ключом для объяснения языкового явления, остающегося непонятным в пределах данного изолированного языка или изолированной группы родственных языков.

Мы постараемся показать возможность подобного сравнения на проблеме развития грамматической категории частей речи в языках индоевропейской и тюркской систем. В качестве примера языка тюркской системы мы берем узбекский язык, однако рассматриваем его в аспекте сравнительно-грамматическом, с точки зрения признаков, присущих языкам тюркской группы в целом.

Вообще между языками тюркскими и индоевропейскими существует большое типологическое сходство грамматической структуры, несмотря на различие лексического материала и строевых элементов. Противоположность так называемой агглютинации и флексии не отражается на этом сходстве, так как в сущности оно не затрагивает строя языка как отражения мысли, а касается скорее технического оформления строевых отношений. Понятно, что агглютинация и флексия не являются последовательными стадиями языкотворческого процесса, как одно время неправильно утверждали некоторые вульгаризаторы Н. Я. Марра. Изолированность и относительная прочность формальных элементов («прилеп») в языках агглютинирующих, по всей вероятности, основана на особенностях ударения и интонации в этих языках. Однако для сравнительной грамматики явление это имеет существенные последствия: оно позволяет исследователю тюркских языков с относительной легкостью заглянуть в прозрачную глубину грамматической формы, последовательно слагавшейся из наслложения таких строевых элементов: ср. мен иш-ла-мок, -чи-ман—«я намерен работать». Напротив, в языках флексивного типа (как индоевропейские) слияние,

ассимиляция и редукция строевых элементов в составе морфологически обособленного слова постепенно приводят к их полному обезличению и разрушению, так что для реконструкции этих элементов обычно требуются весьма сложные и нередко гипотетические операции сравнительно-грамматического анализа. В таких случаях сравнительно-типологические аналогии с тюркскими языками могут, как мы увидим дальше, оказать самую непосредственную помощь исследователю до-истории индо-европейских языков.

С другой стороны, благодаря той же своей относительной изолированности от корня, как ядра слова и носителя его предметного значения, формальные частицы в тюркских языках сохраняют более прямую, однозначную связь с теми синтаксическими отношениями, которые они выражают. Они и являются в первую очередь показателями синтаксических отношений, из которых в языках флексивных выкисталлизовались прочно сложившиеся, морфологически оформленные части речи. Слово в языках агглютинирующих менее обособленно и менее четко выделено из предложения, чем в языках флексивных; тем самым и границы между частями речи являются более подвижными. Поэтому сравнение индо-европейских флексивных языков с тюркскими агглютинирующими позволяет особенно наглядно поставить общую глоттогоническую проблему — генезиса частей речи из частей предложения.

2

Части речи дифференцируются в языке по трем аспектам — семантическому содержанию, синтаксической функции и грамматическому оформлению. Не поднимая во всей его сложности вопрос о классификации частей речи, мы можем для языков индо-европейских (флексивных) принять следующую, в основе своей — семантическую, схему, которую школьная грамматика без особых оговорок применяет и к тюркским (агглютинирующими) языкам:

- 1) Существительное (название предмета).
- 2) Глагол (название действия или состояния предмета).
- 3) Прилагательное (название качества или свойства предмета).
- 4) Наречие (название свойства или обстоятельства действия или другого качества — вторичное определение).
- Кроме того — слова формальные или полуформальные, с преобладанием синтаксической функции:
- 5) Местоимения и 6) Связки (предлоги, союзы).

Части речи в языках флексивного строя хотя и могут выполнять различные синтаксические функции, однако как грамматические категории они сохраняют преимущественную связь с определенными частями предложения. Связь эта указывает на происхождение частей речи из синтаксических отношений предложения. Существительное обозначает по преимуществу субъект или объект, глагол — по преимуществу предикат, прилагательное — определение, наречие — обстоятельственное слово. В типичном с этой точки зрения предложении: «Синее море простерлось широко» аспекты морфологический, синтаксический и семантический полностью совпадают. Ср. «синее» — прилагательное, определение, качественное слово; «море» — существительное, подлежащее, предмет; «простерлось» — глагол, сказуемое действие; «широко» — наречие, обстоятельство, вторичное определение действия.

Однако в языках флексивного строя, где морфологические признаки частей речи давно утратили первоначальное значение показателей синтаксических отношений и слово со своими грамматическими оформителями в наибольшей степени обособилось от предложения, наличие прочного грамматического оформления частей речи делает возможным различные нарушения этой первоначальной связи. Грамматическая форма слова (как и его синтаксическое употребление) может не совпадать с семантическим содержанием. Например, мы можем мыслить качество — белый в грамматической форме действия (как глагол — сказуемое) — белеет; или в форме предмета (как существительное — субъект или объект) — белизна; действие может быть вы-

ражено в форме свойства (как «отглагольное прилагательное»—причастие, т. е. как синтаксическое определение)—стоящие, бегущие; или в форме предмета, «субстанции» (как «отглагольное существительное»—синтаксический субъект или объект)—стояние, бегство.

С другой стороны, части речи могут употребляться вне их основной синтаксической сферы. Субстативированное прилагательное употребляется как существительное в функции субъекта или объекта: «богатый бедного не понимает» (ср. богач—бедняка). Предикативное прилагательное конкурирует с глагольным сказуемым: «он здоров, а ты болен» (ср. болеешь). Существительное выступает как посессивное определение параллельно с относительным прилагательным: «стол отца» (ср. отцовский стол). Существительное может быть и предикатом именного предложения: «Жучка—собака».

Во всех приведенных примерах вопрос заключается не в большей древности или новизне этих способов выражения, а в их типичности для строя языка. Например, именной предикат с глottогонической точки зрения, вероятно, древнее глагольного. Тем не менее с точки зрения типовой структуры предложения в современном языке в нем «отсутствует» глагольная связка. Субстантивация прилагательного может восходить исторически к древнейшей стадии развития, когда имена еще не дифференцировались на существительные и прилагательные, но могли различаться по своей синтаксической функции (в самостоятельном употреблении—как субъект-объект, или в подчиненном—как определение другого имени). Однако с точки зрения современной грамматической нормы в них «пропущено» определяемое существительное («богатый человек»). Причастие и так называемое «отглагольное существительное» в своей основе, может быть, древнее дифференциации глагола и имени (как «глагольные имена» с предикативными признаками). Однако для современной грамматики это «смешанная» категория, объединяющая признаки глагола и имени.

Таким образом, хотя связь между частями речи и частями предложения в условиях флексивного строя и нарушена в разных направлениях, она все же сохраняет принципиальное значение, указывающее на генезис этих грамматических категорий из категорий синтаксических. Сравнение с тюркскими языками подтверждает эти положения.

3

Вопрос о развитии частей речи из частей предложения ставился Н. Я. Марром неоднократно. В этом процессе, согласно учению Н. Я. Марра, первоначально выделяются имена, глагол образуется из имени, с последующей дифференциацией имен на существительные и прилагательные.

«Частей речи не было¹. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных; имена существительные по функции становятся, служа определением, прилагательными, которые также выделяются; имена же (определенный круг имен существительных) становятся местонимиями¹.

Сходным образом ставил вопрос о развитии категории частей речи Потебня в «Записках по русской грамматике». Потебня рассматривает предложение как исторически изменяющуюся категорию. «История языка, взятая на значительном протяжении,—так учит Потебня,—должна дать ряд определений предложения². Современное предложение индо-европейских языков построено на противопоставлении имени (подлежащего) и глагола (сказуемого) как двух полюсов предложения. Однако сравнение современных индо-европейских языков с древними подсказывает вывод: «По направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола».

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 417.

² А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1889, стр. 77.

Согласно теории Потебни, глагол и прилагательное развиваются в функции предиката и атрибута из «первообразного имени». Процесс этот связан с развитием человеческой мысли от конкретного к абстрактному. «Предикативность и атрибутивность имени, иначе — именной характер предложения, увеличивается по направлению к древности. Вместе с тем увеличивается конкретность языка. Мера конкретности есть степень близости к чувственному образу, к безразличию субстанции и атрибута. Поэтому глагол и прилагательное отвлеченнее существительного», — говорит Потебня¹. Иными словами, существительное, как комплекс признаков вместе с его носителем, древнее (по терминологии Потебни — «первообразнее»), чем выделенные из него отвлеченные признаки качества и действия (прилагательное и глагол). С другой стороны, «первообразное существительное» носит более «качественный» и более «глагольный» характер, чем существительное-субстанция (название предмета), противопоставленное уже выделенному качеству или действию в современном предложении. Качественный характер «первообразного» имени иллюстрирует пример: «кремень-человек» (в смысле «твердокаменный человек»), где имя существительное выступает в функции качественного определения другого имени. Глагольный характер древнего имени подтверждается широким употреблением предикативных причастий (глагольных имен), в которых имя сохраняет древние признаки «глагольности» (предикатив ости).

4

Образование частей речи из частей предложения наиболее ясно на примере наречия. Если оставить в стороне неоформленные адвериальные частицы, принадлежащие, может быть, к древнейшему слою языка, то основная группа наречий состоит, как известно, из обособившихся в обстоятельственной функции падежных форм имен (существительных и прилагательных). Обособление наречий как грамматической категории в индоевропейских языках — явление позднее и происходит на глазах истории. В разных индоевропейских языках наречия от прилагательных образуются на основе грамматизации различных падежей, употребляющихся в обстоятельственной функции — винительного, творительного, отложительного, местного (например винительный среднего рода — русск. красно, бело, латинск. *pititum, tantum*). Даже в пределах одной языковой подгруппы, например в германских языках, нет полного единства и существуют рядом конкурирующие способы образования, свидетельствующие о позднем происхождении этой грамматической категории. Ср. наречия на -b — готское прилагательное *galeiks* «gleich» — наречие *galeikō*, древненемецкое прилагательное *snell* «schnell» — наречие *snello* (из отложит.-bd, ср. латинское прилагательное *falsus* — наречие *falso*); готские наречия на -ba — ср. прилагательное *ubils* «ibēl» — наречие *ubilaba* (может быть — одного корня с латинским *-bus*); скандинавские наречия на -t — ср. древнеисландское прилагательное *spakr* — наречие *spakt* (средний род, винительный падеж прилагательного); скандинавские наречия на -u — ср. древнеисландское наречие *spaku* (средний род, дательный падеж прилагательного); средне-верхненемецкие наречия на -en — ср. прилагательное *wit* — наречие *witen* (дательный падеж множествен. прилагательного) и др.

Еще более позднего происхождения наречия, образованные из существительных в обстоятельственной функции или из обособленных обстоятельственных групп: ср. пешком, днем, кругом, сейчас, сразу и т. п.

Факты тюркских языков подтверждают закономерность такого позднего развития наречия, как вторичного определения.

Наречия от прилагательных в тюркских языках формально не обособлены — прилагательное становится наречием в обстоятельственной функ-

¹ Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 354.

ции. Ср. яхши—хороший, хорошо, түгри—прямой, прямо; яхши китоб—хорошая книга, яхши укийди—хорошо учится.

Отсутствие особого формального признака наречий, образованных от прилагательных, объясняется тем, что сами прилагательные в большинстве случаев формально не дифференцируются от существительных и не изменяются по падежам. В тех редких случаях, когда прилагательное имеет особый суффикс (например в ученых заимствованиях с арабского на -ий), возникает необходимость противопоставить ему и оформленное наречие: ср. ученые образования типа: тасодифий равища «случайно», маданий равища «культурно» и т. п.

В то же время сформировалась группа наречий из падежных форм имен существительных в обстоятельственной функции и из обстоятельственных групп: бу ерда «здесь» (буквально: «в этом месте»), эртага «завтра» (буквально: «утром»), бирга «вместе», яқында «вблизи» и т. п.

По своему характеру эта группа представляет полную аналогию с индоевропейскими наречиями такого же типа.

5

О происхождении категории прилагательных Потебня пишет: «...В истории языков, различающих название вещи и признака (а не все это делают), прилагательное, как выделенное из связи признаков, как более отвлеченное, чем существительное, позднее существительного и образовалось из него». «Иначе: существительное, т. е. (первоначально) название признака вместе с субстанцией, которой приписываются другие признаки, ближе к чувственному образу (который может быть указан и отчасти изображен), и потому первообразнее, чем прилагательное, имя признака без определенной субстанции, неуказуемого и никак неизобразимого¹» «...Путь от существительного к прилагательному есть атрибутивное употребление существительного².

В индоевропейских языках имя прилагательное—четко оформленная в морфологическом и синтаксическом отношении грамматическая категория, в ряде случаев—с особыми суффиксами и с особым типом склонения, в своей основной синтаксической функции определения согласующаяся в роде, числе и падеже с определяемым именем. Однако процесс обособления и оформления прилагательных как грамматической категории на основе синтаксической функции имени как определения (атрибута) другого имени легко восстанавливается сравнительной грамматикой индоевропейских языков, которая подводит нас к более древней языковой стадии, еще не знавшей четкой дифференциации имен на существительные и прилагательные. На этой стадии, как во многих более примитивных языках, имя, поставленное рядом с другими именами (в индоевропейских языках—обычно впереди другого имени), могло функционировать как его определение, приближаясь по своему значению к современному прилагательному (качественному слову)—по типу «кремень-человек» (в значении «твердокаменный человек»).

Потебня приводит пережитки этого явления, сохранившиеся в русском народном языке, в особенности—в фольклоре: жар-птица (в значении «огненная птица»), бой-баба («боевая женщина»), царь-девица («царственная девица»), светы-яхонты сережки («светлые яхонтовые сережки»), рать-сила («сильная рать»), мост-камень («каменный мост») и мн. др.³

Сложные слова индоевропейских языков сохраняют следы того же состояния: ср. немецкое Dampfschiff «пароход» (буквально: «пар+корабль»), Schuhriemen «башмачный ремень» (буквально: «башмак+ремень» и т. п.) В древних индоевропейских языках первое, определяющее слово в таких соединениях имеет форму чистой именной основы, без всякого падежного

¹ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 73.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 129 сл.

оформления (*casus absolutus* или *indefinitus*—по терминологии Хирта): ср. готское *fotu-baurd* «скамейка для ног» (буквально: «нога-доска», т. е. «ножная доска»), *skauda-raips* «башмачный ремень» (буквально: «башмак-ремень») и мн. др. Определяющее имя в форме чистой основы (*fotu*—основа на -и, *skauda*—основа на -а) в морфологическом отношении не имеет признаков ни существительного, ни прилагательного.

К той же языковой стадии восходят так называемые *bahuvrihi-composita*, сложные слова, в которых второй элемент является существительным (название предмета), а целое слово—прилагательным, с значением «обладающий свойством (присущим данному предмету)». Ср. в гомеровском эпосе ῥωδοδάκτυλος 'Ηώς «розоперстая заря» (буквально: «розовый палец-заря», «заря с розовыми перстами»—от существительного δάκτυλος «палец»), греческое πολυοινός «богатый вином» (существительное οἶνος «вино»), латинское magnapītius «великодушный» (существительное animus «дух»), славянское чръновласъ «черноволосый» (существительное власъ «волос»), златорогъ «златогорий», древненемецкое bargfuoz «босоногий» (существительное fuoz «нога»), в англосаксонском эпосе flota famiheals «корабль-пенистощейный» (буквально: «корабль-пенистая шея», существительное heals. «шея») и мн. др. Такое употребление сложного существительного в качестве прилагательного-определения восходит к языковой стадии, предшествующей дифференциации имён на существительные и прилагательные. Характерно, что значительная группа *bahuvrihi* сохранилась как архаизмы эпического языка (постоянные эпитеты).

Первоначально прилагательные в индо-европейских языках не отличались от существительных никаким особым грамматическим оформлением. Прилагательные имеют те же типы общеименных основ, как и существительные (основы на о, ā, i, и и др.); ср. прилагательные латинские bonus, bona, bonum, существительные hortus, rosa, templum; прилагательные добр, добра, добро—существительные стол, река, окно. Падежные флексии прилагательных и существительных также первоначально совпадают: ср. лат. именительный падеж мужского рода латинского прилагательного bonus—родительный boni, существительного hortus—horti; именительный женского рода прилагательного bona—родительный bonae, существительного rosa—rosae; русское—добра молодца, добру молодцу и т. д.

Поэтому, несмотря на наличие группы семантически дифференцированных качественных слов (bonus—добрый и т. п.) в ряде случаев имя сохраняет двойственный характер, выступая то как существительное, то как прилагательное в зависимости от синтаксического употребления. Ср. в средневековом немецком языке: *lieht* «*licht*» (прилагательное «светлый»—существительное «свет»), *lüt* «*laut*» (прилагательное «громкий»—существительное «звук»), *wert* (прилагательное «достойный»—существительное «достоинство», «ценность»), *gram* (прилагательное «печальный»—существительное «печаль») и т. п. Старославянские и древнерусские примеры приводит Потебня: съсѣдъ (существительное «сосед»—прилагательное «соседний»), другъ (существительное «друг»—прилагательное «другой»), прокъ (существительное «прок»—прилагательное «прочий»), молодъ (существительное «молодец»—прилагательное «молодой») и мн. др.¹

Особые суффиксы прилагательных возникают на более поздней стадии исторического развития: они различны в различных индо-европейских языках или группы языков и в большинстве случаев по своему происхождению связаны с суффиксами существительных. Ср. немецкое -ig, ag (*lustig*, *traurig*), латинское -ic, греческое -ik (лат. *amicus*, *amicus*, греч. φίλος и др.)—и русские суффиксы -ок, -ак (ходок, росток, простак и т. п.). Тенденция к последующему формальному обособлению прилагательных как грамматической категории использует подобные суффиксы как новое средство грамматической дифференциации имен. Ср. древнене-

¹ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 189.

немецкое существительное-прилагательное *sculd* (существительное «долг»—прилагательное «должный»), позднее—прилагательное *sculdig* «*schuldig*» («должный»); существительное-прилагательное *wert* (существительное «достоинство»—прилагательное «достойный»), позднее—прилагательное *wirdig* «*würdig*» («достойный») и т. п. Сходно и в русских примерах: первоначально существительное-прилагательное *съсьдь*, позднее—прилагательное *сосед-ний*; первоначально существительное-прилагательное *молодь*, позднее—существительное *молод-ец*—прилагательное *молод-ой*.

С развитием имен в атрибутивной функции в особую категорию прилагательных связано изменение прилагательных по родам и согласование их с определяемым существительным в роде, числе и падеже. Дифференциация склонения по родам еще отсутствует в более древних прилагательных одного и двух окончаний. Возникает и особое склонение прилагательных в атрибутивной функции, склонение «местоименное», использующее окончания местоимений указательных. Процесс этот только начинается в латыни и в санскрите, в небольшой группе местоименных прилагательных (латинское *ipius*, *solis*, *totus* и др., санскритское *katarás*, *jatarás*, *itarás* и др.). В группе языков германских и балтийско-славянских он осуществлен до конца, но разными способами (ср. немецкое сильное склонение—*guter*, *gute*, *gutes*, русские «полные окончания»—добрый, добрая, доброе). Изменение по родам, согласование и специальная форма склонения оформляют качественные слова как особую грамматическую категорию имен прилагательных.

В тюркских языках совершается тот же процесс, но его архаические этапы нагляднее сохраняются в современном языке.

Прилагательные в тюркских языках обычно не имеют особого морфологического оформления и по своему морфологическому строению не отличаются от существительных: ср. кюра «черный»—ота «отец», бүш «пустой»—бош «голова» и т. п. Прилагательное не согласуется с определяемым существительным: оно сохраняет форму неизменяемого имени, предшествующего другому имени как его синтаксическое определение (по типу жар-птица или готского *fotu-baurd* «Fuss—brett»). Ср. яхши китоб «хорошая книга», яхши китобнинг «хорошей книги», яхши китоблар «хорошие книги».

В таких сочетаниях принадлежность слова к категории прилагательных определяется его значением (семантически) и синтаксической функцией (определение), а также положением перед определяемым словом.

В самостоятельном употреблении в качестве субъекта или объекта прилагательное будет склоняться, как существительное. Например: қизиллар *ок*, *ларни енгиллар* («красные победили белых»). Употребление падежных окончаний (суффикс множественного числа -лар, окончание винительного падежа -ни и т. п.) превращает прилагательное в существительное, поскольку падежные окончания указывают на синтаксическую функцию имени как существительного (субъекта—объекта). Такая «субстантивация» прилагательного хорошо известна и индо-европейским языкам, являясь и здесь пережитком первоначальной недифференцированности имени (ср. уже приведенный пример: «красные побеждают белых»).

В то же время несклоняемость прилагательного-определения является как бы отрицательным морфологическим признаком («нулевым показателем») категории прилагательных при сравнении с существительным как посессивным определением. Существительное-определение морфологически оформлено окончанием родительного падежа (-нинг) и посессивным суффиксом (-и,-си) при определяемом слове. Ср. определение-прилагательное: яхши бола («хороший ребенок»)—определение-существительное: Қаримнинг боласи «ребенок Карима» (буквально: «Карима ребенок-его»).

Однако в ряде случаев возможно употребление так называемого «неоформленного родительного падежа» с посессивным суффиксом при опре-

деляемом слове и без окончания родительного падежа при определении. Семантически такие существительные-определения приближаются к относительным прилагательным современных европейских языков. Ср. шахар совети «городской совет» (буквально: «город-совет его») халк, маорифи «народное образование» (буквально: «народ-образование его») и т. п.

Наконец, в тюркских языках встречается ряд случаев бессуффиксальной связи имен, при которой неоформленное существительное употребляется в качестве определения другого существительного, сохраняя в этом употреблении свойства более древнего имени, которое может выступать, в зависимости от синтаксической функции, то как существительное, то как прилагательное.

В своей «Грамматике кумыкского языка» проф. Н. К. Дмитриев отметил это явление, характерное для всех тюркских языков. Кумыкский язык «до самого позднего времени пользовался существительными в функции прилагательного в тех случаях, где языки других систем (в частности русский) требуют относительного прилагательного. Так, по-кумыски говорят: къумукъ тиль «кумыкский язык» (дословно: «кумык-язык»), агъач арба «деревянная телега» (дословно: «дерево-телега»), гумуш сагъат «серебряные часы» (дословно: «серебро-часы»). Женщин также прежде называли уши гиши «домашний человек» (дословно: «дом-человек»)¹.

Основная группа таких именных определений относится к названиям материала, из которого сделан определенный предмет. Все такие названия являются двойственными; в зависимости от синтаксического определения—существительными или прилагательными. Ср. узбекское олтин («золото»—«золотой»), тилла («золотая монета»—«золото»), кумиш («серебро»—«серебряный»), тош («камень»—«каменный»), гишт («кирпич»—«кирпичный»), ипак («шелк»—«шелковый») и мн. др. Ср.: олтин соат «золотые часы», тилла тиши «золотой зуб», кумиш узук «серебряное кольцо», гишт девор «кирпичная стена», тош кўприк «каменный мост», ипак рўмол «шелковый платок» и мн. др.

В ряде случаев образное употребление существительного в значении материала допускает такое же использование его в функции неоформленного определения-прилагательного. Ср. анор юз («гранатовое лицо», «лицо-гранат», в смысле «красивое лицо»), темир кул («железная рука», «рука-железо», в значении «твердая рука»—ср. «кремень-человек»), гул ийгит («веселый парень», буквально: «парень-цветок»—ср. русское «рубаха-парень») и т. п.

Другая группа представляет известное сходство с сложными словами индо-европейских языков в том смысле, что сочетание определяемого и определения образует прочное целое с новым значением, отличным от значений составляющих его элементов. Ср. темир-йул «железная дорога» (буквально: «железо-дорога»—ср. немецкое Eisen-bahn), киз-бала «девочка» (буквально: «девушка-ребенок»), сув-илон «уж» (буквально: «водозмей», т. е. «водяная змея»), тия-сарай «караван-сарай» (буквально: «верблюдо-двор», т. е. «верблюжий двор») и др.

Такие неоформленные именные определения можно рассматривать как пережиток типа «кремень-человек», из которого развилась грамматическая категория прилагательных. В тюркских языках прилагательные-определения типа яхши бола «хороший ребенок» сохранили первоначальную неоформленность древнего имени-определенения, тогда как определения-существительные с посессивным или относительным значением оформляются окончанием родительного падежа и посессивным суффиксом (Каримнинг боласи) или только этим последним (шахар совети)².

¹ Н. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, 1940, стр. 69.

² Наблюдения К. Грёнбека над сравнительно-историческим синтаксисом тюркских языков дают основание считать простое именное определение более древним, чем оформленный родительный падеж. Ср. K. G r ö n b e c k. Die türkischen Sprachen, Kopenhagen, 1936. ч. I, стр. 90 сл.

Подобно индо-европейским языкам, но в еще большем числе, тюркские языки сохранили группу имен двойственных, с грамматическим значением существительного или прилагательного в зависимости от синтаксического употребления. Из большого числа примеров, которые дает любой словарь тюркских языков, ср. узбекское бош «голова»—«главный» (ср. сложные слова: бош бола «первенец», бош вазир «первый министр», бош сўз «предисловие» и мн. др.), ёш «возраст»—«молодой» (ёш бола «молодой парень»), кир «грязь»—«грязный», чет «рай», «окраина»—«чужой» (чет одамлар «чужеземцы», чет эл «заграница», т. е. «чужая страна»), ич «внутренность»—«внутренний» (ич томон «внутренняя сторона», кия «склон», «откос»—«пологий», «косой», и мн. др. «Адир ерда от бўлмас», говорит узбекская народная пословица («На холмистых местах конь не ступает»): адир «холм», в данном сочетании—«холмистый», «крутой». Конечно, возможно оформление суффиксом прилагательного—адирли «холмистый», но оно имеет книжный, искусственный характер, как ички «внутренний» рядом с ич («внутренний»—«внутренность») и т. п. С оформлением категории прилагательных и в тюркских языках появляется возможность формальной дифференциации прилагательных от существительных с помощью некоторых суффиксов (-ли, -ки и немн. др.)—по типу немецкого прилагательного *schuldig*—существительного *Schuld* вместо старого существительного-прилагательного *sculd* («вины»—«виновный») или русского прилагательного соседний—существительного сосед вместо старого существительного-прилагательного *съсьдъ*.

Однако эти позднейшие наслоения не меняют первоначальной картины.

Двойственность именной категории существительных-прилагательных в тюркских языках особенно рельефно выступает на заимствованных словах арабско-персидского происхождения. Такое слово, независимо от своего первоначального значения в родном языке как существительного либо прилагательного, нередко употребляется в узбекском языке в обоих значениях в зависимости от контекста: ср. хато «ошибка»—«неправильный»; асл «сущность», «начало», «основа»—«настоящий», «подлинный»; азамат «молодец», «удалец», «силач»—«огромный», «бравый»; хазон «осень», «листопад»—«пожелтелый» и мн. др.

Встречаются в тюркских языках и сложные определения-эпитеты типа *bañuvrîhi*, в которых второй элемент является существительным, а целое—составным прилагательным с значением «имеющий свойство (данного существительного)». Ср. в узбекском народном эпосе, как постоянный эпитет: дутар бўйин араби отлар «с шеей подобной дутару («дутаро-шайные») арабские кони» (буквально: «дутар-шяя-арабские кони»—ср. англосаксонское *flota farni-heals* «корабль пенистошайный»); из «Равшана» сказителя Эргаша Джуманбулбул-оглы: кора кўз, бодом ковок, синли сиёк, киз «с черными глазами, миндалевыми веками (черноокая, миндалевекая), с красивой фигурой девушка» (буквально: «черный глаз-, миндаль-веко-, красивая фигура-девушка»); там же: «ўзи ширин сўз болами? ўзи жаду кўз болами?» («Она сама—со сладкими речами дитя ли, с волшебными глазами дитя ли?»—буквально: «сладкие слова-дитя, волшебные глаза-дитя»). Нередко в таких сложных именных определениях первое имя (существительное) имеет притяжательный суффикс, связывающий его с определяемым словом. Ср. «Равшан»: «Кўзлари юлдуз болами? кўшлари кўндуз болами? Лаблари кирмиз болами?» («С глазами—звездами дитя ли? С бровями-бобрами дитя ли? С алыми губами дитя ли?»—буквально: «Ее глаза звезды—дитя ли? ее брови бобры—дитя ли?»)

Подобного рода конструкции встречаются и в разговорном языке: соати тилла киши «человек с золотыми часами» (буквально: «часы его золотые-человек»), уйи тош одам «человек с каменным домом» т. е. «владелец каменного дома», буквально: «дом его каменный-человек»). В сущности в этой своеобразной форме сложного эпитета второе слово (существительное или прилагательное) с логической точки зрения опреде-

ляет первое (существительное), которое в свою очередь определяет предмет, к которому относится составное определение в целом.

Оба типа сложных эпитетов отмечены проф. А. Потелуевским и в памятниках туркменского фольклора: 1) инче бил, бадам габак, тиссе дахан, назик беден гыз «с тонким станом, миндалевыми веками, ротиком, как фисташка, нежным телом девушка»; 2) буйны узын адам «человек с длинной шеей» (буквально: «шея его длинная-человек»), эллери дөвглен чага-жык «ребенок со сломанными руками» (буквально: «руки его сломанные — ребенок»)¹.

Подобные конструкции встречаются во всех тюркских языках.

6

Глагол как грамматическая категория происходит из имени в синтаксической функции сказуемого. Имя древнее глагола — это положение было выдвинуто Вундтом и иллюстрировано им на материале языков первобытных народов. Н. Я. Марр неоднократно высказывался в том же смысле. «Достаточно здесь напомнить, что часть речи — «действие», впоследствии и состояние, у нас, как и в латинском мире, называемая глаголом, а у семитов-арабов более соответственно — действием (также у грузин), возникла в разрезе ее оформления весьма поздно, после имен и их заместителей. Местоимение предшествует непосредственно образованию морфологии глаголов, именно их так называемому спряжению. Таким образом первично имя (существительное ли оно было или прилагательное), равно местоимение и глагол не различались формально»². «Глаголов вовсе не было раньше; действие или состояние выражалось в результате комбинации требуемого для выраженного состояния или действия имени в окружении других имен, служебных, в числе их с течением времени возникших местоименных элементов»³. «Был момент, длинный период, многие эпохи, когда не было особой категории глаголов, были имена, те имена, которые впоследствии стали известны в грамматике под названием имен существительных и прилагательных, ранее также не различавшихся, так как первоначально в реальности были имена представления, как бы знамения, дававшие представление, образ предмета, а не понятие, состав и действие или состояние его. Действие или состояние этих предметов могло проявляться лишь при сочетании слов постановкой в определенном месте, не трогавшей абсолютно формы слов, остававшихся теми же, следовательно — именами»⁴.

Понятно, что при отсутствии категории глагола не было и категории имени в точном смысле слова как названия предмета, субстанции —носителя действия. Потебня неоднократно говорит о глагольности «первообразного» или «первобытного» имени и сопоставляет его в этом отношении с причастием. «Первобытое имя... ближе всего подходило к причастию, оно могло бы быть названо причастием, если бы с последнего снять слой, налегшие на него впоследствии...»⁵. «Первобытое имя — причастие могло равняться нынешнему причастию за вычетом из последнего, между прочим, категории времени и залога...»⁶. Пережитком этого состояния является, по мнению Потебни, широкое употребление причастия, в особенностях в предикативной функции, в древних индо-европейских языках. «В древнем языке употребление причастия, формы промежуточной между именем в тесном смысле и глаголом, было гораздо обширнее, чем в новом»⁷.

Близость «первобытного» имени к так называемому отглагольному имени подтверждается приводимыми акад. И. И. Мещаниновым примерами из

¹ А. Потелуевский. Основы синтаксиса литературного туркменского языка, Ашхабад, 1934, стр. 22.

² Н. Я. Марр. «Избранные работы», т. III, стр. 66.

³ Там же, т. III, стр. 223.

⁴ Там же, т. II, стр. 50.

⁵ А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I, стр. 109.

⁶ Там же, т. I, стр. 110.

⁷ Там же, т. III, стр. 352.

архаических по своей структуре палеоазиатских языков. Ср. «волкооле-неубивание»—в смысле: «волк убил оленя»; «взятие мое»—в смысле «я беру»¹.

Конечно, «взятие» и «убивание» как существительные «отглагольные», т. е. производные от глагола, в языке, имеющем вполне оформленные категории глагола и имени, лишь отдаленным образом передают особенности первобытного глагольного имени, предшествующего грамматической дифференциации имени и глагола.

Более «глагольный» (предикативный) характер отглагольного имени в тюркских языках может быть иллюстрирован, например, употреблением так называемого деепричастия на -б (-п).

Деепричастие это в слитном предложении, при наличии нескольких сказуемых, служит для обозначения ряда последовательных действий, с отнесением их к последнему действию, которое выражается личной глагольной формой. Ср. мен эшикни очиб, күчага чиқдим «я открыл дверь (буквально: «открыв дверь») вышел на улицу»; Карим партага ўтириб, қаламини олиб, ёза бошлади «Карим сел (буквально: сев) за парту, взял (буквально: взяв) перо, начал писать». В таких случаях деепричастие обозначает сопутствующее действие, второстепенное, сказуемое, которое в новых индо-европейских языках обычно выражается в рамках слитного предложения личной глагольной формы с соединительным союзом.

Предикативный характер такого деепричастия особенно ясен в тех случаях, когда оно имеет подлежащее, не совпадающее с подлежащим последующей личной глагольной формы, и благодаря этому является более независимым и «глагольным». Ср. «Равшан»: Калла кесиб, қон түкулсін «головы рубя—пусть прольется кровь»; икки күзи хасаннинг лавуллаб кетиб боради «оба глаза Хасана горят (буквально: горя)—он едет» и др.

Независимое деепричастие, не согласованное по своему подлежащему с личной формой глагола, к которому оно отнесено, вполне обычно и в современном французском и английском языках. Ср. французское *Mon ami m'ayant rencontré dans la rue je lui contai mon histoire*; английское: *My friend meeting me in the street, I told him my story*. «Мой друг повстречавшись со мной на улице, я рассказал ему свою историю». Современный русский литературный язык не допускает такой конструкции, рассматривая ее как «галлицизм». Однако в языке древнерусском и церковнославянском деепричастие имеет значительно более независимый и «глагольный» характер, весьма напоминающий приведенные выше тюркские конструкции. Потебня приводит как пример «глагольности» древнего деепричастия присоединение его к личной форме глагола сочинительным союзом. Ср.: Володимеръ въсплакавъ (т. е. «заплакал») и рече; лежавъ б недѣль (т. е. «лежал») и преставися и т. п.² И здесь предикативный характер независимого деепричастия выступает еще более отчетливо там, где оно имеет другое подлежащее, чем личная форма глагола-сказуемого: Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его потускнѣль; или: женихъ и невѣста пришедъ въ покой свои, гдѣ им спать, снимаютъ съ нихъ платье, съ жениха дружки, а съ невѣсты свахи, и т. п.³

Одним из признаков большей глагольности, присущей отглагольным именам древнего языка, Потебня считает управление винительным падежом прямого дополнения. Ср. примеры Потебни: санскритское Индрô джета днанам «Индра захватыватель добычи» (т. е. добычи); ютн мâm каминj (каминu) «чтобы ты меня любительница была» (т. е. «чтобы ты меня любила»); латышское tā plinte nāu putnu shawēja, буквально: «это ружье не есть птиц стреляльница»⁴. Ср. аналогичные примеры, приводимые Бруг-

¹ Акад. И. И. Мещанинов. Общее учение о языке. Лгрд., 1940, стр. 75 и сл., 130 и сл.

² А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 82 и сл.

³ Там же, стр. 94 и сл.

⁴ Там же, III, стр. 362 и сл.

маном: санскр. *dātā vásuṇī* «податель блага» (т. е. «подающий»); греческое *tά μετέφρα φροντίζεις* «мыслитель» (т. е. мыслящий) неземные вещи; латинское *reccatorum veliam promissor* «обещающий» (буквально: обетователь) отпущение грешникам; церковно-славянское: по пріятіи ми отъ бога великий дарь; средневерхненемецкое *du rch behälten den Lip* (буквально «для сохранения жизнь»)¹. Всеобщее распространение в древних индо-европейских языках этой конструкции, отмеченной Потебней, указывает на ее древний характер, свидетельствующий о более глагольном характере подобного рода имен, управляющих винительным (а не обычным в более позднюю эпоху родительным) объекта.

В тюркских языках имя действия от переходного глагола всегда управляет винительным падежом, т. е. сохраняет свой глагольный характер: *планни бажариш* «выполнение плана» (буквально: «план» винит.); *хатни олиш* «получение письма» (буквально: «письмо» винит.); *шу қитобни ўқиғанимнинг сабаби сенга малум* «тебе известно, почему я читал эту книгу» (буквально: «причина моего чтения эту книгу») и т. п.

Наиболее ярким примером многообразия синтаксических функций древнего глагольного имени в тюркских языках может служить употребление так называемого «причастия» на -ган. Оно употребляется и как имя (прилагательное или существительное) и как глагол (предикат) или как часть сложной глагольной формы, соединяя в ряде случаев формальные признаки имени и глагола. По своему синтаксическому полиморфизму оно напоминает английское отглагольное имя на -ing.

В функции определения форма на -ган, как всякое причастие, является прилагательным, подчиненным последнему определяемому существительному. Ср. ёзган хат «написанное письмо», ўзбекча билган ўртoклар «знающие по-узбекски товарищи» (ср. the drinking horse «пьющая лошадь»). Как и другие прилагательные, такое причастие может быть субстантивировано в самостоятельном употреблении. Ср. ўзбекча билганлар «знающие по-узбекски».

Школьная грамматика называет форму на -ган «причастием прошедшего времени» и приписывает ей залог в соответствии с залогом глагола, от которого оно образовано. Однако на самом деле временное значение этого причастия колеблется в зависимости от контекста: например ўзбекча билган ўртoклар «знающие по-узбекски товарищи»—настоящее время. Точно так же колеблется и залог: ср. олган «получивший»—сизнинг олган қитобингиз «полученные вами книги»; қолган «укусивший», «кусающий»—итлар қолган киши «собаками укушенный человек» страдательный залог. Такая двойственность залоговой формы древнего причастия встречается в ряде пережитков и в индо-европейских языках.

В предикативном употреблении причастие на -ган получает предикативные местоименные аффиксы и значение личной формы глагола (так называемого «прошедшего причастного»); в третьем лице местоименный аффикс отсутствует, и предикативность выражается только порядком слов: ср. мен ёзган-ман «я писал», сен ёзган-сан, у ёзган и т. д. Как часть сложной глагольной формы причастие на -ган может употребляться с вспомогательным глаголом, например в предпрошедшем: ср. мен ёзган эдим «я (ранее) писал» и т. д. Ср. англ. I am writing, I was writing и т. п.

С другой стороны, эта же форма на -ган может иметь значение отглагольного существительного, названия действия, принимая в таких случаях падежные окончания и аффиксы притяжательности. Ср.: мен унинг қетгани тўғрисида эшитдим «я слышал о его отъезде»; унинг қетганинг сабаби сизга малум «причина его отъезда вам известна» (ср. англ. «the cause of his coming», и т. п.). При этом падежные окончания и посессивные суффиксы, характерные для имени, не препятствуют глагольному управлению формы на -ган,

¹ К. Вругманн. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen (1922), стр. 444 (§ 563).

наличию при ней прямого дополнения и личного местоимения — подлежащего в именительном падеже. Ср. мен шу китобни уқиганимда «когда я читал эту книгу» (буквально: «при моем чтении этой книги»); сен шу китобни уқиганимдан кейин «после того, как я прочел эту книгу» (буквально: «после моего чтения этой книги») и т. п. Ср. английское *after my reading this book, when reading this book* и т. п. Такого рода обороты по своему логическому значению соответствуют обширной группе «сокращенных» дополнительных и обстоятельственных предложений индо-европейских языков.

В подобных двойственных конструкциях, с именным и одновременно глагольным оформлением «отглагольное существительное» на -ган, сохраняя свою глагольность, может также управлять деепричастием, имеющим глагольный характер. Ср. «Алпамыш» (версия Фазилия Юлдашева): Күлтайнинг түйга аралашиб, күпкари чопиб, бораётгани бу «Култая, в пир вмешавшегося (буквально: вмешавшись), на козлодранье поскакавшего (буквально: поскакав) действие вот какое; или в сложной глагольной форме: мен шу китобни ўқиб тұрганимда (чик, ганимда) «когда я читал (прочитал) эту книгу».

В соединении с предикативным членом, положительным (бор «имеется», «есть») или отрицательным (йўқ, «не имеется», «нет») отглагольное имя на -ган образует сложную глагольную форму прошедшего, в которой послесловий суффикс является признаком лица: ср. ёзганим бор (йўқ,) «я (не) писал (буквально: «мое писание (не) имелось»), ёзганинг бор (йўқ,), ёзгани бор (йўқ,) и т. д.

Таким образом значение формы на -ган как существительного, прилагательного, глагола или части глагольной формы определяется синтаксическим употреблением, контекстом, причем как глагольное имя эта форма и в управлении своем обнаруживает признаки одновременно именной и глагольной форм.

7

Индо-европейский глагол в своей морфологической структуре не сохранил вполне четких следов происхождения глагольных форм от предикативного глагольного имени. Иначе в тюркских языках, где агглютинация, т. е. изолированность строевых элементов, делает вполне прозрачным состав и происхождение глагольных форм.

Личные окончания в тюркских языках происходят от личных местоимений в функции предикативных суффиксов. Предикатом с предикативным местоименным суффиксом в настоящем времени может быть любое имя.

Ср. ед. 1. Мен ишчи-ман «я—рабочий», 2. сен ишчи-сан «ты—рабочий», 3. у ишчи (-дир) «он—рабочий; множ. 1. биз ишчи-миз «мы—рабочие», 2. сиз ишчи-сиз «вы—рабочие», 3. улар ишчи (-дир-лар) «они—рабочие».

Тождество предикативных суффиксов первого-второго лица единственного и множественного числа с соответствующими личными местоимениями ясно без дальнейшего. Третье лицо (как во многих языках) первоначально не требовало специального предикативного оформителя; позднее в этой роли выступит суффикс -дур, -дир, представляющий, повидимому, суффигированную форму вспомогательного глагола узб. турмок, «стоять», «находиться», «существовать» (т. е. «быть»).

Роль личных глагольных окончаний как предикативных суффиксов в широком смысле особенно ясно выступает в их употреблении с именами, стоящими в косвенном падеже. Ср. мен ҳозир уйда-ман «я теперь дома»; мен ҳозир ўрта Озиёда -ман «я теперь в Средней Азии». Ср. также: мен ёзмок, да-ман «я пишу» (наст. длительн.—буквально: «я—в писании», ср. английское I am writing), сен ёзмок, да-сан «ты пишешь» (буквально: «ты—в писании») и т. п.

Все глагольные формы в тюркских языках легко могут быть объяснены как глагольные имена («причастия» и «деепричастия») с предикатив-

ными местоименными суффиксами. Ср. в узбекском — от корня ёз- «писать» (инфinitив: ёзмок):

1) Настоящее-будущее: ёза-ман, ёза-сан, - ёза-ди(р) и т. д.—от деепричастия настоящего ёза «пиша».

2) Прошедшее причастие ёзган-ман, ёзган-сан, ёзган и т. д. от причастия прошедшего ёзган «писавший»—«написанный».

3) Прошедшее повествовательное: ёзиб-ман, ёзиб-сан, ёзиб-ди и т. д.—от деепричастия прошедшего ёзиб «написав».

4) Будущее возможное: ёзар-ман, ёзар-сан, ёзар и т. д. от причастия будущего ёзар.

5) Будущее «литературное»: ёзжак-ман, ёзжак-сан; ёзжак и т. д.—от причастия будущего ёзжак.

6) Форма намерения: ёзмокчи-ман, ёзмокчи-сан, ёзмокчи и т. д.—от причастия намерения ёзмокчи «намеревающийся писать».

7) Настоящее длительное: ёзмокда-ман, ёзмокда-сан, ёзмокда—от местного падежа отлагольного имени ёзмок,—ёзмокда (буквально: «я—в писании», ср. английское I am writing).

К этому следует прибавить многочисленные формы; образованные вспомогательными глаголами, частью превратившимися в суффиксы и редуцированными, которые передают различные видовые оттенки действия и относительные времена. В узбекском языке в такой функции особенно часто выступает вспомогательный глагол ётмоқ, «лежать» (кор. ёт-). Ср. наст. I ёз-вот-ман< *ёза-ёта-ман (буквально: «пиша лежу», «нахожусь в писании»); настоящее II ёз-яп-ман< *ёза-ётиб-ман (буквально: «пиша лежал»); настоящее III ёза-ётир-ман.

Формы предшествования (относительные времена) образуются таким же путем с вспомогательным глаголом эдим «был». Ср., давнопрошедшее—ёзган эдим, предпрошедшее—ёзиб эдим, многократно-длительное прошедшее ёзар эдим, прошедшее намерения—ёзмокчи эдим, прошедшее длительное—ёзмокда эдим (с соответствующими причастиями и деепричастиями—ёзган, ёзиб, ёзар и т. д.).

Особое место в системе узбекского (как и вообще тюркского) глагола занимает простое прошедшее на -д-, неясное по своему происхождению и оформленное не предикативными, а посессивными суффиксами. Ср. ед. 1. ёздим «я писал», 2. ёздинг, 3. ёзди; множ. 1. ёздик, 2. ёздингиз, 3. ёзди (-лар). За исключением множ. 1 все окончания этой формы совпадают с посессивными суффиксами имени существительного. Ср. ед. 1. китобим «моя книга», 2. китобинг «твоя книга», 3. китоби «его книга»; множ. 1. қитобимиз «наша книга», 2. қитобингиз «ваша книга», 3. китоби (-лар) «их книга».

Наличие в этой форме (как и в условном наклонении на -са) посессивных суффиксов уже подсказывает мысль об именном ее происхождении. Существуют различные гипотезы, объясняющие происхождение суффикса -д-. Мелиоранский и Брокельман видели в нем остаток отлагольного имени на-it:aldim «я взял»< *alitim< * alit-im «мое взятие»¹. Они реконструируют форму *alitim bar «мое взятие было» (т. е. «я взял»), по типу современного узбекского ёзганим бор «я писал» (буквально: «мое писание было»), ёзганинг бор «ты писал» и т. п.

Впрочем, предикативность древнего глагольного имени избавляет нас от необходимости в этом случае реконструировать вспомогательный глагол в роли связки—бор («имеется»).

В новейшее время тот же Брокельман и французский тюрколог Дени выдвинули другую теорию, согласно которой в основе прошедшего лежит глагольное имя (причастие) на-диq, до сих пор встречающееся в некоторых тюркских языках. Гипотеза эта опирается на широкое употребление предикативной формы на -diq во всех лицах в примерах, приводимых в «Словаре» Махмуда Кашигарского (около 1073 г. н. э.) Ср. män ja qurdiq «я

¹ См. Н. Дмитриев. Стой турецкого языка, Лигрд., 1939, стр. 35.

лук натянул (тетивой)», *biz ja qurduq* «мы лук натянули (тетивой)», *ol süt saýduq* «он молоко выдоил», *olar taýqa aýduq* «они поднялись на гору» и т. д.

В основе формы *aldım* «я взял» лежит, согласно этой гипотезе, **alduq-im* (ба-г) «мое взятие (имеется)¹. Преимущество этой гипотезы состоит в том, что она объясняет изолированную форму множ. 1. на -дик, отклоняющуюся от серии посессивных окончаний (узбекское ёз-дик, ол-дик) как остаток предикативного причастия на -дук, дик, лежащего в основе суффикса прошедшего времени.

Во всяком случае, при всех возможных объяснениях ее происхождения, форма прошедшего, поскольку она имеет посессивные суффиксы, не составляет исключения из прочих форм тюркского глагола, в основе которых лежит глагольное имя; только возникновение этой формы восходит, очевидно, к более древней эпохе, вследствие чего она ранее других утратила свою структурную ясность.

Сравнение глагольных систем тюркских языков между собой обнаруживает очень значительные расхождения. Общий структурный принцип развития глагольных форм из предицированных глагольных имен остается всюду неизменным, однако в разных языках и языковых группах в системе спряжения использованы разные глагольные имена, как и разные вспомогательные глаголы. Только древнейшая форма прошедшего на -д- с притяжательными суффиксами (как и условное наклонение на -са), является общетюркской по форме и значению. В какой-то мере общей является и форма от причастия будущего на -р, но в разных языках она имеет разное значение (например в турецком—настоящее-будущее *yazar-im* «я пишу», в узбекском—будущее возможное ёзар-ман).

Остальные глагольные формы в тюркских языках частично совпадают, частично различаются. Шорский язык, например, не знает времен, образованных непосредственно от деепричастий настоящего времени на -а или прошедшего на -б (-п), обычных в узбекском языке; однако оба деепричастия используются со вспомогательным глаголом *tur-* («стоять»), первое—в значении многократного («настоящего незаконченного»), второе—в прошедшем с значением «оказывается, делал то-то»: ср. *пара-дыр* «он ходит (обычно, постоянно)», *ойнап-тыр* «он (оказывается) играл». Зато существуют глагольные формы от причастий на -чань, -гадыг, -калак, не известные узбекскому языку: *ман полчань-ым* «я бывал всегда, постоянно» (форма обычного, постоянного, необходимого действия); *мен пар-гадыг-ым* «может быть я пойду» («будущее возможное»); *мен пар-галак-ым* «я еще не ушел» (форма несовершенного действия) и т. п.² В турецком языке отсутствуют глагольные формы, образованные от причастий на -ган (обычные в узбекском и шорском) и от деепричастий на -а и -б (-п); деепричастие на -а употребляется только в сложной форме, в соединении со вспомогательным глаголом *угитак* (узбекское *юрмок*, «ходить») как «настоящее данного момента» ср. *yazi-yorum* «я пишу» (сейчас, в данный момент). Зато широкое распространение имеют причастия на аджак и на -миш (ср. прошедшее субъективное *yazmış-im*, будущее категорическое *yazasag-im*)³.

Турецкий язык, как и узбекский, представляет картину сложной и развитой глагольной системы, напоминающей богатством оттенков систему английского или французского глагола. Но при сходстве общих структурных принципов этой системы (использование предикативных причастий и вспомогательных глаголов), материал, из которого строятся аналогичные по значению временные и видовые формы,—для каждой данной формы может быть совершенно различным.

Весьма характерно, что тюркские языки представляют картину почти

¹ D. é p. y. Grammaire de la langue turque, 1920, стр. 1110.—Carl Brockelmann «Mahmid Al-Kasgharis. Darstellung des türkischen Verbalbaus» (*Keleti Szemle*), т. XVIII, 1918—1919, стр. 41.

² См. Н. Дыренкова. Грамматика шорского языка, 1940, стр. 184 и сл.

³ См. А. Кононов. Грамматика турецкого языка, 1941, стр. 128 и сл.

полного единства в склонении имен (за исключением чисто фонетических вариантов общей системы падежных аффиксов) и в то же время чрезвычайно расходятся в спряжении глаголов. Это обстоятельство ясно показывает, что система спряжения в тюркских языках более нового происхождения, чем склонение, и складывалась в основном в период обособленного развития соответствующих тюркских языков и языковых групп.

Сравнительно-грамматической иллюзией, обычной в практике индоевропеистики, было бы перенесение всего многообразия этих конкурирующих форм отдельных языков в гипотетическую «пратюркскую» языковую стадию, с не менее обычным выводом — о последующей «утрате» отдельными языками различных частей этого общего «праязыкового» наследия.

Структура глагола в тюркских языках позволяет с парадигматической ясностью объяснить аналогичное строение глагольных форм и в языках индоевропейских, затемненное здесь обычным процессом редукции окончаний. Так форма презенса индоевропейских языков разлагается, подобно личным формам тюркского глагола, на три элемента: корень + тематический гласный (суффикс) презенса + личное окончание (повидимому, как и в тюркских языках — местоименного происхождения). Ср.

санскр.	готск.	узбек. (наст.-буд.)
ед. 1. bhar-ā-mi	bair-a	бер-а-ман
2. bhar-a-si	bair-i-s	бер-а-сан
3. bhar-a-ti	bair-i-th	бер-а-ди
мн. 1. bhar-ā-mas	bair-a-m	бер-а-миз
2. bhar-a-tha	bair-i-th	бер-а-сиз
3. bhar-a-nti	bair-a-nd	бер-а-ди(-лар).

Форма презенса имеет в индоевропейских глаголах указанного типа суффикс (тематический гласный) e/o (готское i/a, санскритское a). Сопоставление с узбекской (тюркской) формой подсказывает предположение, что суффикс этот — именного происхождения, и что в основе глагольной формы индоевропейского презенса лежит, как и в тюркском глаголе, предицированное с помощью местоименных суффиксов глагольное имя типа *bher e/o.

Действительно, суффикс презенса e/o формально совпадает с одной из наиболее распространенных именных основ — с группой основ на -o; ср. греческое λύ-ο-, санскритское वृक्षः, латинское Iūris, славянское вльъсъ. В свете тюркских аналогий это формальное совпадение вряд ли может быть признано случайным, тем более, что и все остальные основообразующие суффиксы презенса, встречающиеся в индоевропейском глаголе, совпадают с теми или иными именными основами. Ср. суфф. je/jo (готск. глаг. sōk-ja «ищу» — существ. nati «сеть», дат. nat-ja); суфф. ne/no, ske/sko; суфф. ā (лат. глаг. amā-re — сущ. rosā, готск. глаг. salbō «мажу» — сущ. salbō «мазь») и т. п.

Правда, в языках индоевропейских процесс формирования личной глагольной формы из предицированного имени не лежит на поверхности, как в тюркских языках, прежде всего — потому, что глагольные имена типа «деепричастия» на -a (узб. бера «давая», кела «приходя» и т. п.) не сохранились в самостоятельном употреблении и могут быть реконструированы только сравнительно-грамматическим путем. Однако чистая именная основа, предшествующая дифференциации имен на существительные и прилагательные (casus absolutus или indefinitus — по терминологии Хирта), отчетливо выступает, как мы видели, в древнем словосложении; ср. греческое ἰστο-ζουσь готское skauda-taip̄s и т. п. Она выступает и в звательной форме, не случайно тождественной в глаголе и имени: в индоевропейских языках повелительное наклонение глагола, как и звательный падеж имен, равняется, как известно, чистой основе и тем самым в ряде случаев формально совпадают. Ср. звательный падеж основ на o/e: греческое λύε (санскритское वृक्षा, латинское Iure) — повелительное наклоне-

ние от основы настоящего времени: греческое *φέρε* (санскритское *bhára*, латинское *age*) и др. В тюркских языках повелительное наклонение равняется неоформленному глагольному корню (бер!кел!), тем самым также совпадая со звательным падежом имени (киз! бош!). Таким образом в обеих языковых системах древнейшая по своему происхождению звательная форма, повидимому, предшествует формальной дифференциации глагола и имени.

На основе тех же тюркских аналогий получают правильное объяснение и загадочные с сравнительно-грамматической точки зрения формы так называемого слабого прошедшего германского глагола, образованные с помощью дентального суффикса-*d*(немецкое-*t*): ср. готское *sôkjan* «искать» — прошедшее *sôki-da* «искал» (немецкое *such-te*). Формы эти не имеют соответствия в других индо-европейских языках и являются позднейшим образованием, выступающим на смену старых видовых форм так называемого сильного глагола, основанных на чередовании гласных (аблауте): ср. *finden*—*fand*—*gefunden*. Связь дентального прошедшего германских глаголов с дентальным причастием (готское *sôki-th-s*, «gesuch-t»), принадлежащим к общепроиндо-европейскому грамматическому типу (ср. латинское *amātus*, русское би-тый и т. п.), заставляет предполагать, что новая форма германского слабого прошедшего развились из дентального причастия (т. е. из глагольного имени) в предикативном употреблении. Такого же происхождения, вероятно, и латинское слабое прошедшее на -*u*-, *v*- в латинских глаголах I, II и IV спряжений (*amāv-i*, *delev-i*, *audiiv-i*).

Приведенные примеры достаточно ясно иллюстрируют параллелизм процессов становления грамматических категорий частей речи в двух системах языков, развивающихся независимо друг от друга — индо-европейской и тюркской. При отсутствии между этими системами исторического взаимодействия и взаимного влияния такой далеко идущий параллелизм указывает на общую закономерность процесса, обусловленную одинаковыми путями развития мышления общественного человека, конкретно выраженного в развитии языка. Раскрытие подобных стадиально-типологических закономерностей в развитии языка и мышления станет возможным при условии расширения сравнительно-грамматического исследования за пределы замкнутой и изолированной языковой «семьи» или группы, как того настоятельно требовал Н. Я. Марр.